

такс тукато

† АНГЕЛЫ
МОЛЧАЛИ

хроника креста

4-е издание

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург, 2014

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВЫ НАЧНЕТЕ ЧИТАТЬ

Начало последней недели. Декорации и актеры трагедии, которая разыграется в пятницу, уже готовы. Все на своих местах. Шестидюймовые гвозди лежат в ящике. Перекладина креста стоит, прислоненная к стене сарая. Повешенные на ограду, сохнут ветки терновника: они ожидают, когда солдатские пальцы сплетут их в венок.

Актеры уже стоят за кулисами, готовясь к выходу. Пилат озабочен наплывом паломников, пришедших в Иерусалим на Пасху. Анну и Каиафу беспокоят слухи о Назарянине. Иуда исподволь поглядывает на Учителя. Здесь же сотник, готовый совершить очередное распятие.

Актеры и декорации... Но все это — не спектакль, это — божественный замысел. Замысел, исполнение которого началось прежде, чем в лицо Адаму повеяло дыханием жизни. Небеса ожидают. Глаза всех прикованы к Назарянину.

Обычный вид. Необычная целеустремленность. Он оставляет Иерихон и направляется к Иерусалиму. Он не колеблется и не останавливается. Он в пути. Это Его последнее путешествие.

Даже ангелы молчат, они знают, что это — не просто прогулка. Они знают, что эта неделя — особенная. На ней держится дверь, отворяющаяся в вечность.

Давайте пойдём вместе с Ним.

Давайте посмотрим на то, как Иисус Христос проводит эти последние дни.

Давайте попытаемся увидеть, что во всем этом было главным для Бога.

Когда человек знает, что его жизнь близится к завершению, на первый план выходит самое важное. Приближающаяся смерть отделяет главное от второстепенного. Всем, кроме самого необходимого, теперь можно пренебречь. Остается самое главное. Так

что, если вы хотите узнать Христа, присмотритесь повнимательнее к Его последним дням перед распятием.

Он знал, что конец близок. Он знал финал Страстной пятницы. Он прочел последнюю главу прежде, чем та была написана, и услышал последние звуки оратории прежде, чем они прозвучали. Поэтому важное отделилось для Него от повседневного. Чистейшая истина в учении. Сама обдуманность в поступках. Каждый шаг просчитан. Каждое действие взвешено.

О чем Он говорил с учениками, зная, что у них осталась всего неделя? Как поступал в храме, зная, что больше туда не вернется? Что считал для Себя самым главным в те дни, когда последние песчинки вот-вот должны были проскользнуть сквозь воронку песочных часов?¹

Погрузитесь в эту святую неделю и наблюдайте.

Наполнитесь Его чувствами. Вот Он смеется песням детей. Вот плачет над отвергающим Его Иерусалимом. Вот усмехается, слыша обвинения религиозных вождей. Молится, когда Его ученики погружены в сон. Печалится о Пилате, когда тот отворачивается от Него.

Соприкоснитесь с Его силой. Невидящие глаза... прозревают. Бесплодное дерево... засыхает. Менялы... разбегаются. Религиозные вожди... съезживаются. Гробница... открывается.

Услышьте Его обетование. Смерть бессильна. Грех уже не в силах удерживать пленных. Страх больше не имеет власти над человеком. Ибо Бог явился, Бог пришел в ваш мир... чтобы забрать вас домой.

Давайте последуем за Христом в Его последнее путешествие. Потому что, глядя на Него, мы сможем научиться, как самим достойно пройти этот путь.

СЛИШКОМ РАНО,
СЛИШКОМ ПОЗДНО,
СЛИШКОМ ХОРОШО,
ЧТОБЫ БЫТЬ ПРАВДОЙ

*Так будут последние первыми,
и первые последними...*

Мф. 20:16

Медленнее походки Бена, пожалуй, была только его речь. «Ну-у во-от, парень... — Он растягивал слова до невозможности, а паузы между фразами были по месяцу длиной каждая. — Похоже, снова остались ты да я».

Белоснежно-седые волосы торчали из-под его бейсбольной кепки. Плечи были опущены, а лицо обветрено и выдублено семью десятками техасских зим.

Отчетливей всего я помню его брови. Похожие на буйно разросшиеся живые изгороди, сходящиеся на переносице. Косматые гусеницы, двигавшиеся вместе с его глазами.

Обычно, говоря, он смотрел себе под ноги. И без того невысокого роста, из-за этой своей привычки он казался еще ниже. Когда Бен хотел сказать что-то важное, он поднимал глаза и бросал на вас взгляд из-под своих густых бровей. Этот выразительный взгляд он приберегал для тех, кто сомневался в его способности работать на нефтяных скважинах. Несмотря на это, таких было абсолютное большинство.

Своим знакомством с Беном я обязан отцу, который был убежден: школьные каникулы для того и существуют, чтобы мальчики могли хорошенько потрудиться. Хотели мы того или нет, было ли это Рождество, летние каникулы или День благодарения — он будил нас с братом до восхода солнца и отвозил на одну из местных бирж труда, занимавшихся наймом рабочих для местных нефтяных компаний, где нас могли пригласить в качестве подсобников.

На нефтяных промыслах подъемы и спады так часты, что — если только вы не были работником компании или не входили в состав сформировавшейся бригады — не было абсолютно никакой уверенности, что вас возьмут. Желающие найти работу приходили задолго до появления босса. Но не имело значения, первым ты пришел или последним; важны были только твои сила и опыт.

Вот тут-то мы с Беном и оказывались в невыгодном положении. Силы у меня было достаточно, но опыта — никакого. Руки Бена были покрыты мозолями от долгой работы, но силы — уже не те. Поэтому, если только отчаянный недостаток рабочих рук не заставлял хозяев компенсировать качество количеством, мы с Беном оставались не у дел.

Те дни так походили один на другой, что даже сейчас, двадцать лет спустя, я могу без труда вспомнить их во всех деталях.

Я помню ветреное утро, темноту и мороз, щиплющий меня за уши. Я помню, какой была на ощупь покрытая изморозью ручка на тяжелой железной двери сарая, где собирались рабочие. Я слышу голос Бена, сидящего у печурки, в которой он уже успел развести огонь: «Прикрой-ка дверь, парень. Прежде чем потеплеет, еще успеет чертовски похолодать».

Тогда я шел на золотистый свет от печки сквозь темное нутро сарая. Подойдя, вставал спиной к огню и смотрел на Бена. Он курил, сидя на двухсотлитровой бочке. Его ноги в рабочих ботинках не доставали до пола около фута, а воротник пальто был поднят, скрывая шею.

«Да, работа нам сегодня не помешала бы. Не помешала бы».

Потихоньку начинали собираться остальные рабочие. Приход каждого из них оставлял нам с Беном все меньше и меньше шансов. Вскоре сарай наполнялся дымом, неприличными анекдотами и жалобами на то, что приходится работать в такой собачий холод.

Бен обычно не участвовал в этих разговорах.

Спустя какое-то время приходил бригадир. Это может показаться смешным, но я даже начинал нервничать, когда он принимался читать список. С красноречием армейского сержанта бригадир отрывисто выкрикивал, что нужно сделать и кого он берет на эту работу. «Трое на электрическую подстанцию» или: «Укладка труб в южном секторе — восемь человек». После этого он зачитывал список: «Бак, Том, Счастливчик и Джек — пойдете со мной».

В том, что тебя выбрали, была какая-то честь. Тебя отметили, выделили из общего числа — даже если тебя нанимали всего лишь рыть котлован. И насколько почетно было быть избранным, настолько же стыдно было оставаться за бортом. Снова и снова.

В кастовой системе нефтяников ниже поденного рабочего стоял только безработный. Если ты не был сварщиком, то мог вкалывать на буровой вышке. Если не на вышке — ты мог обслуживать скважины. Наконец, если ты и к этому не был способен, — тебя брали на подсобные работы. Но если ты и в качестве подсобника не годился...

Как правило, нас с Беном не брали даже в подсобники. Те из собравшихся, кому не посчастливилось попасть в список избранных, посидев еще немного около огня и пробормотав что-то вроде того, что им все равно не очень-то хотелось сегодня выходить на работу, постепенно разбредались, оставляя нас с Беном одних. Нам некуда было идти. Кроме того, всегда оставалась надежда, что подвернется еще какая-нибудь работа. Итак, мы продолжали ждать.

Тогда-то Бен и начинал говорить. Переплетая правду с небылицами, он рассказывал истории о разведке нефтяных месторождений с помощью «волшебной лозы» и мулов. Утро постепенно превращалось в день, а мы все сидели на старых покрышках и ведрах из-под краски и путешествовали по пыльным дорогам памяти Бена.

Странными мы были приятелями. Во многом мы были полными противоположностями друг друга. Мне тогда только-только исполнилось пятнадцать, а для Бена та зима была семидесятой. Я — совсем неопытный, верящий в то, что самое лучшее еще впереди, и Бен — немало повидавший на своем веку, высохший, живущий воспоминаниями о бывлых победах.

Но так или иначе мы подружились. Ведь мы оба были самыми обычными безработными. Нас сближали неудачи. Нас можно было бы назвать «слишком рано и слишком поздно».

Понимаете, о чем я? А может, вы и сами — из таких?

Шерри — такая. После двенадцати лет брака и троих детей ее муж нашел себе жену помоложе. Поновее. Шерри осталась одна.

Мистеру Робинсону довелось испытать то же самое. Тридцать лет он работал на одну компанию и почти достиг вершины. Когда прежний президент вышел в отставку, он знал, что его назначение — всего лишь вопрос времени. Но у совета директоров было на этот счет свое мнение. Им нужна была молодость, а как раз ее у Робинсона не было. Поэтому президентом стал другой.

Мануэль может рассказать вам о том же. Обязательно рассказал бы, если бы был способен. Нелегко быть одним из девяти детей, растущих без отца в долине Рио-Гранде. Но Мануэлю приходится еще труднее. Он — глухонемой. Даже если бы поблизости и была школа для детей с подобными проблемами, у него нет денег, чтобы заплатить за нее.

Безнадежный неудачник.

Маленький человек.

Социально неадаптированный.

Человек без будущего.

Какими бы словами это ни называли, смысл — один и тот же. Если все время слышишь, что ты — ничтожество и никому не нужен, постепенно начинаешь этому верить. Начинаешь верить, что ты — именно тот случай: «слишком рано и слишком поздно».

Если это — о вас, то моя книга попала к вам в руки очень вовремя. Видите ли, Бог с особой заботой относится к тем, кого все оставили и позабыли. Никогда не замечали?

Посмотрите на Его руки, прикасающиеся к гниющей коже прокаженного.

Посмотрите на блудницу, уткнувшуюся лицом в Его ладони.

Вспомните, как Он отреагировал, когда к Нему прикоснулась женщина, страдавшая кровотечением.

Присмотритесь к тому, как Он положил Свою руку на плечо коротышки Закхея.

Вновь и вновь Бог повторяет нам одно и то же, надеясь, что мы поймем: Он с особым трепетом и заботой относится к отверженным. Тех, кого общество выбрасывает за борт, Бог подбирает и сажает в Свою лодку. Наверное, поэтому Иисус рассказал притчу о том, как хозяин нанимал работников в свой виноградник. Это была первая притча, рассказанная Им в последнюю неделю Своей жизни. И это — последняя притча, которую Он рассказал, прежде чем войти в Иерусалим. Как только Он войдет в город, о Нем узнают. Начнется обратный отсчет, начнется хаос.

Но это еще не Иерусалим. И Он говорит не со Своими противниками. Он все еще в окрестностях Иерихона, в окружении друзей. Им-то Он и рассказывает притчу о Божьей благодати.

Одному землевладельцу понадобились работники. В шесть утра он нанимает бригаду, они договариваются об оплате, и он отправляет их на работу. В девять он опять приходит в бюро по трудоустройству и набирает еще людей. И в полдень, и в три часа дня история повторяется. В пять часов... наверное, вы уже и сами догадались: он снова приходит.

Ключевым моментом истории является то, что работники, проработавшие по двенадцать часов, разозлились, когда остальные получили такое же вознаграждение, как и они. Здесь сокрыт очень глубокий смысл, но мы оставим это для какой-нибудь другой книги.

Сейчас же я хочу, чтобы мы с вами обратили внимание на один момент этой истории, о котором часто забывают: на выбор работников. Заметили, как это происходит? Это произошло в девять часов, в двенадцать, в три часа дня. Но самое трогательное — то, что история повторилась и в пять часов.

Пять часов пополудни. Что за работник остается незанятым в пять часов? Самые лучшие уже давно приняты на работу. Ничем не выдающихся наняли в полдень. В три часа была собрана последняя бригада. Так что же это за работники, которым не нашлось работы до пяти часов дня?

Весь день они стояли невостребованные. Их нельзя назвать мастерами своего дела. Они нигде не учились. Они необразованны. Они болтаются, ухватившись одной рукой за самую нижнюю ступеньку социальной лестницы. Они полностью зависят от того, даст ли им милостивый хозяин возможность, которой они не заслужили.

Таковыми же, между прочим, были и мы. Если только мы не будем важничать и хорохориться, то сможем внять совету апостола Павла и вспомнить о том, какими мы были, когда Бог нас призвал¹. Вы помните?

Кто-то из нас был ловким и умелым, но пустым внутри, как муляж из папье-маше. Другие даже не пытались скрыть свое отчаяние. Мы пили его. Мы пропитались им. Мы

источали его. Мы наполняли им все вокруг. Мы даже продавали свое отчаяние. Жизнь была погоней за новыми впечатлениями. Мы охотились за сокровищем, которым оказался пустой сундук, поджидавший нас в тупике в конце глубокого и темного ущелья.

Помните, как вы почувствовали себя, когда осознали это? Помните испарину, выступившую на лбу, и трещину, пробежавшую по вашему сердцу? Помните, как пытались спрятать свое одиночество и прятали его — пока оно не выросло до таких размеров, что стало больше вас самих, и тогда вашей целью стало просто выжить.

Задумайтесь на минутку над этой картиной, а потом ответьте: почему Он выбрал вас? Почему Он выбрал меня? Будьте честны с самими собой. Почему? Что у нас есть такого, чего не было бы у Него?

Наш интеллект? Неужели мы действительно полагаем, что у нас есть — или когда-то будут — мысли, которые могли бы показаться Ему новыми?

Сила воли? Я с уважением отношусь к силе воли. Упрямства некоторых действительно хватает на то, чтобы пойти по воде, если мы считаем себя к этому призванными. Но не думаем же мы, что Божье Царство не смогло бы устоять без нашей целеустремленности?

Как насчет денег? Когда мы пришли в Царство Божье, возможно, у нас и была какая-то сумма, отложенная на черный день. Так может быть, именно поэтому Он избрал нас? Вероятно, Творец неба и земли оказался в затруднительном положении, и Ему понадобились наличные. Похоже. Податель дыхания всему живому, имеющий власть над всяким человеком, Творец мировой истории обнищал — и тут появились мы со своими процентами в банке, и Он решил...

Достаточно?

Мы были избраны по той же самой причине, по которой были избраны те, пятичасовые работники. Пятичасовые работники — это вы и я.

Это мы с вами стоим у ограды, затягиваясь сигаретами, на которые у нас нет денег, и играя в орлянку на пиво, которого никогда не сможем купить. Гастарбайтеры без работы и без будущего. Ту, которая вытатуирована на твоём бицепсе, зовут Бетти. У той, что изображена на моей руке, имени нет, но она покачивает бедрами, когда я сгибаю руку в локте. Наверное, нам уже пора

оставить всякую надежду и отправиться по домам после свистка, зовущего рабочих на обеденный перерыв, но дом для нас — это маленький фургончик с единственной комнаткой, в которой жена встретит нас неизменным вопросом: «Ну, как сегодня — нашел работу?»

И мы ждем. «Слишком рано и слишком поздно».

А что же Иисус? Иисус — это тот человек в черном пикапе, которому принадлежит вон то поле на склоне горы. Он заметил нас, когда проезжал мимо по дороге, окутав нас облаком пыли. И он остановил пикап, включил заднюю передачу и вернулся туда, где мы стояли.

О Нем ты расскажешь сегодня вечером своей жене, когда, бренча монетами в кармане, пойдешь с ней в магазин покупать продукты. «Прежде мы с этим парнем никогда не встречались. Он просто остановился, опустил стекло и спросил, не хотим ли мы поработать. Время уже шло к вечеру, рабочий день заканчивался, но он сказал, что есть работа, которая не может ждать до завтра. Клянусь тебе, Марта, я проработал только час, но получил как за целый день!»

«...Нет, я не знаю, как его зовут».

«...Конечно, я узнаю. Даже не верится — уж слишком все это хорошо, чтобы быть правдой — то, что сделал этот человек».

Почему Он выбрал вас? Он так захотел. Помимо всего прочего, вы и так принадлежите Ему. Он создал вас. Он привел вас домой. Вы — Его собственность. И вот однажды Он хлопнул вас по плечу и напомнил об этом. Не важно, сколько времени вам пришлось ждать или сколько времени вы потеряли зря — вы принадлежите Ему, и у Него есть для вас место.

— Эй, ребята, вы все еще хотите поработать?

Бен соскочил с бочки и ответил за нас обоих:

— Да, сэр.

— Хватайте свои вещи и залезайте в пикап.

Нас не нужно было поторапливать. Я уже съел свой обед, но все равно схватил коробку, в которой принес его. Мы запрыгнули в кузов и сели, прислонившись спиной к кабине.

Старик Бен достал сигарету и прикурил, пряча спичку от ветра между ладонями. Когда двигатель пикапа завелся и машина тронулась, он заговорил. Хотя с тех дней прошло уже двадцать лет, я по-прежнему отчетливо вижу, как поблескивают его глаза из-под густых бровей.

— Приятно, когда тебя выбирают, верно, парень?

Да, Бен, верно. Конечно, верно.

ИЗ ИЕРИХОНА В ИЕРУСАЛИМ

*...И предадут Его язычникам
на поругание и биение и распятие;
и в третий день воскреснет.*

Мф. 20:19

Отец Александр Борисов не надеялся, что ему удастся вернуться живым. Темная ночь, опустившаяся на Москву, не внушала чувства спокойствия и безопасности. Впрочем, он надеялся, что милиция испугается его черного с золотом священнического одеяния, но уверенности в этом у него не было никакой.

Москва находилась в осаде. Медведь пробудился от зимней спячки, он был голоден. Людей, как раньше, снова собирались лишить свободы.

Однако отец Александр осмелился выступить против того, что казалось неминуемым. Двадцатого августа 1991 года он вместе с несколькими членами Библейского общества Советского Союза, которое было основано за год до этих событий, ходил между танками, нося с собой связки Новых Заветов. Если танкисты отказывались поговорить с ним лично, священник залезал на броню танков и передавал солдатам книги в смотровые щели.

«Я верил, что солдат, у которого в кармане лежит Новый Завет, не будет стрелять в своих братьев и сестер», — говорил потом священник.

Неплохо. Лучше сражаться, храня в своем сердце Божье Слово, чем держа в руках смертоносное оружие.

Однако произошедшее в Москве — далеко не первый случай, подтверждающий эту истину. Чтобы увидеть, как кто-то сражается, храня Божью правду в своем сердце, не

обязательно ехать в Россию. Не обязательно читать сообщения информационных агентств или смотреть новости по телевизору. Вместо этого откройте Писание и обратите внимание на отрывок, который вы, возможно, никогда прежде не замечали.

Его действительно легко не заметить. Всего три стиха. Сорок шесть слов. В этих словах нет никакого особого драматизма. Они напечатаны обычным шрифтом. Над ними не красуется броский заголовок. Вообще, слова эти настолько, казалось бы, прозаичны, что читатель может не придать им значения, посчитав, будто они написаны исключительно для того, чтобы связать между собой части повествования. Но пренебречь этими словами — все равно что забросить работу в шахте, так и не найдя алмаза, ради которого ты трудился.

Всего лишь одно событие. Событие не такое яркое, как воскресение Лазаря. Менее заметное, чем насыщение пяти тысяч. Не столь удивительное, как произошедшее в вифлеемском хлеву. Это вовсе не усмирение бури. Это просто один из «тихих» моментов Писания. Но не обманывайтесь, потому что в тот миг ни один из ангелов не осмелился возвысить свой голос и запеть.

Одна дорога, какие-то четырнадцать миль. Полдня ходьбы через опасное ущелье. Но не к дороге должно быть приковано наше внимание. Это всего лишь одна из многих пыльных дорог того времени. Нет, не к самой дороге, но к тому, куда она ведет, и к Тому, Кто идет по ней.

Он — впереди учеников. Нигде больше мы не видим, чтобы Иисус шел впереди. Ни когда Он сошел с горы, где произнес Свою Нагорную проповедь. Ни после того, как покинул Капернаум. Ни когда входил в Наин. Обычно Он предпочитал быть окруженным людьми, вместо того, чтобы идти перед ними.

Обычно, но не сейчас. Евангелист Марк говорит нам, что Иисус тогда шел впереди Своих учеников¹. Один. Молодой воин, идущий в бой.

Если хотите узнать, что у человека на сердце, присмотритесь к последним дням его жизни.

Когда я писал эту главу, я наткнулся на историю юного Мэтью Хаффмана. Ему было шесть лет, он был сыном миссионеров, которые несли служение в Сальвадоре, в Бразилии. Однажды утром у него стала повышаться температура, и по мере того, как она поднималась, у него ухудшалось зрение. Родители немедленно повезли его в больницу.

Когда они ехали на машине, он, лежа на коленях у матери, сделал то, чего его родители никогда не забудут. Он протянул руку прямо перед собой. Мать взяла его руку в свою, но он отдернул ее и снова потянулся к чему-то прямо перед собой. Мать снова попыталась взять его за руку, но он все равно продолжал тянуться вперед. Удивленная, мать спросила его: «Мэтью, куда ты тянешься?»

«Я хочу взять Иисуса за руку», — ответил он. После этих слов он закрыл глаза и впал в кому, из которой уже не вышел. Два дня спустя он умер от менингита.

Он немного успел узнать за свою короткую жизнь, но научился самому главному: Кого ему нужно искать в свой смертный час.

Многое можно сказать о человеке по тому, как он встречает свою смерть. Знаете ли вы о Джиме Бонхэме?

Из всех героев Аламо самым известным является, пожалуй, Джеймс Бонхэм, молодой адвокат из Южной Каролины. Он пробыл в Техасе всего около трех месяцев, но поскольку он любил свободу всем своим сердцем, он не мог поступить иначе и отправился вместе с теми техасцами, которые шли сражаться за свободу и независимость. Он добровольно вызвался служить в Аламо, маленькой миссии, расположенной около реки Гуадалупа. Когда мексиканская армия закрыла собой горизонт и маленький бастион приготовился к сражению, Бонхэм прорвался сквозь вражеские заграждения и поскакал на восток, в Голиад.

В своей книге «Техас» Джеймс Миченер пытается представить, что говорил Бонхэм, когда просил о подмоге: «Их там всего сто пятьдесят человек. У Санта Анны* уже почти две тысячи, и к нему идет подкрепление... Нужно, чтобы все мужчины Техаса, которые могут держать в руках оружие, отправились в Аламо как можно быстрее. Нам необходимо укрепить линию обороны. Помогите нам! Нужно выступить немедленно!»

Но его просьба осталась без ответа. Полковник Феннин сказал Бонхэму, что он подумает об этом. Молодой человек

* Санта Анна — Антонио Лопес де Санта Анна, мексиканский генерал, в 1834 году установивший в стране диктатуру и начавший военные действия против американских поселенцев в мексиканской провинции Техас, выступавших за ее независимость. — *Примеч. ред.*

понял, что это означает, но скрыл свое негодование и, прищипнув коня, отправился в Викторию.

Миченер далее представляет себе разговор, произошедший между Бонхэмом и маленьким мальчиком:

« — Куда ты поедешь теперь? — спросил мальчик.

— В Аламо, — не раздумывая ответил Бонхэм.

— Ты поедешь туда один?

— Я ведь и оттуда приехал без сопровождающих.

Когда Бонхэм ускакал, мальчик спросил у своего отца:

— Если все так плохо, зачем он снова едет туда?

— Не думаю, что он считает для себя возможным поступить как-то иначе, — ответил отец².

Неизвестно, были ли эти слова произнесены или нет, но мы достоверно знаем, что Бонхэм действительно вернулся в Аламо, чтобы сражаться в битве, которая, как он знал, должна была стать для него последней.

Так же поступил и Иисус. Зная о цели Своего последнего путешествия, Он остановил учеников и сказал им — в третий раз за все время, проведенное ими вместе, — о Своей заключительной встрече с противником: «Вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть; и предадут Его язычникам на поругание и биение и распятие; и в третий день воскреснет»³.

Обратите внимание: Ему известно о том, что произойдет, в мельчайших деталях. Он говорит о том, кто это сделает: «первосвященники и книжники». Он говорит о том, что именно они сделают: «предадут Его язычникам на поругание и биение и распятие». Наконец, Он говорит о том, когда именно воскреснет: «в третий день».

Не надо предполагать, что Иисус попал в засаду. Забудьте о теориях, которые утверждают, что Он просчитался. Оставьте все эти пустые разглагольствования о том, что Крест был последней, отчаянной попыткой возродить умирающее движение.

Ибо если в словах Иисуса и есть смысл, то он состоит в том, что Христос шел на смерть... сознательно! Это не было для Него неожиданностью, Он не колебался и не сомневался.

Многое можно сказать о человеке по тому, как он встречает свою смерть. То, как Христос шел навстречу Своей смерти, не оставляет нам поводов для сомнений: именно для этого Он и пришел на землю. Апостол Петр сказал о Христе, что иудеи убили

Его, распяв при помощи беззаконных, но в действительности Сам Бог predetermined этому случиться задолго до того, как описанные события произошли⁴.

Нет, на путь, ведущий в Иерусалим, Христос вступил не в Иерихоне, не в Галилее, и не в Назарете. И даже не в Вифлееме.

Путь, ведущий к распятию, начался намного раньше. Не успел надкушенный плод в Эдемском саду упасть на землю, как Христос отправился в путь, ведущий на Голгофу.

Так же, как отец Александр Борисов шел на сражение с Божьим Словом в руке, Христос отправился в Иерусалим, храня в Своем сердце Божье обетование. Богочеловек Иисус Христос произнес слова, от которых содрогнулись глубины преисподней: «...и в третий день воскреснет».

Виднеется ли Иерусалим в конце вашего пути? Может быть, вскоре вам предстоит события или встречи, которые причинят вам боль? За каким из поворотов жизненного пути ваше сердце будет разбито?

Учитесь у своего Господа. Не вступайте в битву с врагом, не укрепившись прежде Божьими обетованиями. Позвольте привести несколько примеров.

Возможно, вы в растерянности и не понимаете, что происходит? «...Я знаю намерения, какие имею о вас, говорит Господь, намерения во благо, а не на зло...»⁵.

Или вам не дают покоя ошибки вашего прошлого? «...Нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе...»⁶

Быть может, вы думаете: «Где же Бог?» «...Господь, Бог твой, Сам пойдет с тобою, и не отступит от тебя, и не оставит тебя»⁷.

Вам кажется, что Бог не может любить такого человека, как вы? «...Ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем»⁸.

Когда вы в очередной раз обнаружите, что идете по дороге в Иерусалим, укрепитесь Божьими обетованиями, и да не сходят они с ваших уст. Когда гнетущая тьма спускается над вашим городом, подумайте о той убежденности, которая была у отца Александра.

Сотрудники Библейского общества в Москве будут долго вспоминать об одном солдате, которому они подарили

Священное Писание в те дни. Это случилось ранним утром 20 августа 1991 года. К тому моменту все карманные издания Нового Завета, которые они раздавали военнослужащим, уже закончились, и этому солдату досталась Детская Библия — довольно большая книжка с яркими картинками. Парень знал: если он хочет сохранить эту книгу, ему нужно спрятать ее от начальства. В его форменной одежде был лишь один карман, достаточно большой, чтобы в него поместилась Детская Библия. И после секундного размышления солдат выложил из кармана магазина с патронами, чтобы положить туда книгу. На улицу к баррикадам он вышел с Библией в кармане вместо боеприпасов.

Это очень мудро — шагать в Иерусалим с Божьим словом, бережно хранимым в сердце. Так считал Александр Борисов. Так жил Мэтью Хаффман. И если вы поступите так же, вы проявите мудрость.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Слово благодарности.....	3
Прежде чем вы начнете читать	5
ПЯТНИЦА	
Глава 1. Слишком рано, слишком поздно, слишком хорошо, чтобы быть правдой	7
Глава 2. Из Иерихона в Иерусалим	15
Глава 3. Генерал, принесший себя в жертву.....	21
Глава 4. Уродливая религия.....	26
СУББОТА	
Глава 5. Не надо ничего делать, просто остановитесь.....	32
Глава 6. Любовь рискующая	38
ВОСКРЕСЕНЬЕ	
Глава 7. Человек с ослом	46
ПОНЕДЕЛЬНИК	
Глава 8. Торгаши и лицемеры	52
Глава 9. Смелость мечтать.....	59
ВТОРНИК	
Глава 10. О мозолях и сострадании	66
Глава 11. Вы приглашены.....	74
Глава 12. Уста против уст.....	81
Глава 13. То, о чем человек не смел мечтать.....	92
Глава 14. Курсор или крест?	98
Глава 15. Бесхитростная вера.....	105
Глава 16. Выживание	111

Глава 17. Зámки из песка	120
Глава 18. Быть готовым	125
Глава 19. Люди с розами	131

ЧЕТВЕРГ

Глава 20. Слуга	137
Глава 21. Он избрал вас	143

ПЯТНИЦА

Глава 22. Когда все против вас	148
Глава 23. Ваш выбор	155
Глава 24. Величайшее из чудес	162
Глава 25. Открытое в молитве	167

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Глава 26. Скрытая гробница	171
Глава 27. Я думаю, я всегда буду помнить этот путь	176

Пособие для самостоятельного изучения	183
Примечания	231

